

СЛАВА ВАЛЕРИЯ БРУМЕЛЯ

Раскатившееся по лагерю эхо утреннего подъема долго перетекало из одного колокольчика в другой и погасло где-то за изолятором и центральными воротами.

- Доброе утро, юноши! – распахивая дверь в палату настежь, громко и жизнеутверждающе проголосил вожатый.

Сухая, подтянутая фигура вожатого в спортивных трусах и футболке с развевающимся пламенем над звездой, заимствованной из гардероба волейбольной команды, кавалерийским шагом прошла до окна, пытаясь найти отклик среди спящих под одеялами малолетних бандитов, куролесивших всю ночь и с первыми лучами солнца отключивших свои «вечные двигатели». Лишенные сил подростки только начинали отдаваться негам Морфея, а тут это – голые жилистые ноги, косматая голова и «доброе утро».

- Какое утро? Утро добрым не бывает по определению! – натягивая на голову одеяло, пробасил долговязый пионер, всем своим видом показывающий, что плохие новости с утра – это не для него, и что в его планы совершенно не входит ломать себя с каким – то там «подъемом». Более в палате на призыв вожатого не отреагировал ни кто.

Стремясь погасить энергию, вожатый прошелся взад-вперед по палате, изумленный полной безразличием ее обитателей не только к звуку горна, но и к его присутствию, и, даже больше, к его призыву.

- Так! – повисла в воздухе угроза, - Значит, вставать вы не собираетесь? Ладно! – и вожатый вылетел из палаты еще быстрее, чем влетел.

Возникшей паузы для лежащих под одеялами хватило ровно на два вдоха.

Белая дверь палаты распахнулась настежь. Разбрызгивая богатую железом из артезианской скважины ледяную воду из графина направо и налево, вожатый в трусах бодро продвигался по палате. На его лице застыла то ли улыбка, то ли гримаса. Черные волосы разлетались со лба, обнажая впалые щеки, резко очерченные скулы и горящие, словно угли преисподней, глаза.

-Ага! – голосил он с оскалом Вельзевула, - С добрым утром, юноши!!! – и холодная влага падала на кровати, одеяла, подушки, просачиваясь к теплым мальчишеским телам, передавая им звонкость подземного источника.

Несмотря на небольшой объем сосуда, жидкости в нем хватило на то, что бы достучаться практически до каждого в палате мальчиков. Сбрасывая с себя мокрое белье, они соскакивали с позвякивающих металлических коек.

- Типа! Да ты совсем очумел! Мы же – дети! Мы отдыхать приехали! – в различных вариациях раздавалось с разных мест.

- Ага, «мягкие игрушки», не нравится? А как же призыв: «Будь готов!»? Будьте любезны, проявите последовательность! А ну, марш все на зарядку! Или я иду за вторым «замесом»? – он угрожающе потряс в воздухе пустым граненым графином, из которого лениво, но неумолимо вытекла последняя капля и, потянувшись от горлышка, сорвалась на крашеный деревянный пол.

Палата капитулировала. Натягивая треники, шор-

ты, впихивая ноги в раздолбанные кеды, сандалеты и даже кирзачи, народ потянулся к выходу, застегивая на ходу рубашки, натягивая футболки.

На высоком крыльце третьего корпуса, выходящем на площадку для бадминтона, стоял вожатый, взирая на триумф своей победы. Мимо тянулись разбитые бессонной ночью и радикальной побудкой пионеры. Сраженные неожиданным прессингом пионеры умудрились даже надеть галстуки, отчего ситуация выглядела еще комичней.

- Опять эти: Раз-два-три-четыре, - ноги выше, руки шире! Уж лучше бы бегать по утрам – и то полезней и эффект выше! – пробасил долговязый в кедах без шнурков.

Чуть навывкате глаза на круглой голове категорически слипались, но выбора не было – и он подталкивал свое тело в направлении футбольного поля, где уже стояли два отряда «чебурашек», рота «Вперед!», и отдельные личности на каблуках, размазавшие по лицу вчерашнюю косметику.

-Ха! Зориков! Ты считаешь, что бег по утрам – это лучше? Будет вам бег по утрам! Дай мне список, кто готов бегать - я сам буду вас тренировать! – словно проклятье на головы грешников обрушил раскатыстым эхом вожатый-Вельзевул, – И шнурки вденьте в люверсы, а то не добежите! Уж будьте любезны, юноша!

Его белозубая улыбка блеснула как чешуя золотой рыбки на солнце, и мгновенно ушла в омут черных усов. День начался.

Что может спасти вожатого от помутнения рассудка и хронического недосыпания? Правильно! Только физическая культура и спорт! Причем в самом разном их проявлении.

Чем больше времени пионер занят, тем больше времени у вожатого. Чем меньше сил у пионера останется к концу дня, тем больше шансов у вожатого выспаться.

Помятуя об этом, жизнь в пионерском лагере строилась как одна большая полоса препятствий с регулярными остановками для приема пищи.

Проснулся? На зарядку! Позавтракал – уборка территории и далее спартакиада, турэстафета, выход в лес или другой лагерь на товарищескую встречу все равно по какому виду спорта. Пообедал? Теоретически наступает время «тихого часа», а фактически, либо подготовка к дискотеке, тематическому вечеру или еще чему, выдуманному воспаленной фантазией вожатых, либо водно-половые игры по уборке корпуса за полученные ранее штрафные очки. Еще удобно забирать мальчиков в лес для подготовки костра, валить сушняк и загатавливать хворост.

Время после полдника самое ударное! До самого ужина заняты все спортивные площадки, на которых по задумке педагогического персонала должны быть вытрясены как из дырявого кармана пионерских шорт остатки жизненной энергии. А что не успеют, то после ужина заберут дискотека или «Огонек».

Вожатые все же не звери! И три раза в неделю в ККЗ «Лесная тишина» в качестве передышки, возможности отдохнуть, крутили кино, которое пионеры с легкостью меняли на баталию в волейбол, бадминтон или партию в настольный теннис.

А уж что б закрепить успех дня, отряды по очереди выводили на костер или встречу рассвета.

Об эффективности подобной методы уже рассказывалось, когда наша волейбольная команда вчистую просадила команде п/л «Дружба».

Не снимая позора проигрыша, скажу только, что

перед этим у нас было три ударных дня со спартакиадой, дискотекой и встречей рассвета накануне.

Но, что значит костер или встреча рассвета? Думаете костерчик, картошечка в угольях, бренчанье на гитарке и полусонные мордашки? Допускаю еще прогулки по близлежащим тропинкам мальчиков и девочек в разбивку по двое. А вот, ни чуть не бывало! Точнее, и это бывало тоже, но в нашем лагере любой выход в лес предполагал игрища! Не просто игрища, а даже ристалища!

Для этого была выбрана игра в слона. Не знаете? Сейчас объясню.

Набирались две команды по 5-6 человек. Одна команда – водящая, – становилась перед чертой. Игроки в ней стояли в затылок друг другу, обхватив впереди стоящего руками за талию. Для крепости конструкции, игроки нагибались вперед, убирая свою голову под руку переднего товарища. Члены другой команды должны были запрыгнуть на спины водящих и проехать на них отмеченное расстояние. Важно было так расположиться, чтобы водящие не выдержали – разорвали свой строй или упали. Тогда можно было вновь запрыгивать на их спины. Если же команда выдерживала и проходила свой тернистый путь с противником на спинах, то команды менялись местами.

В игре принимали участие и дети, и взрослые. Некоторые вожатые и кружководы специально просились пойти с первым или вторым отрядом, чтобы потешить душеньку, поиграть силушкой, почувствовать удаль молодецкую.

Сначала резвились только дети – недоросли 15-16 лет. Потом вовлечены были вожатые и сопровождающие кружководы. А потом уже и девчонки не выдержали и тоже встали в слона. Бывало, что три-четыре команды боролись за победу одновременно.

- Короче, Джон, - поучал меня художник, - Ты встаешь сразу за мной, и мы стоим почти в полный рост. Тех, кто пожиже, я прикрою, подобрав под себя. А кто останется, тот за тобой пусть попу втягивает и старается опустить ее максимально низко. Тогда они с нас скатятся, как с горки! Все понял? Становись!

- Ага! - голосил в свете костра осклабясь вожатый с черными патлами и горящими глазами, - Что, «мягкие игрушки», вибрируете? А не покатаете ли нас на загорбках? Не потешите ли наши душеньки?

Первым прыгнул худенький парнишка. Недалеко разбежавшись, он взлетел словно жаворонок над стоящим перед ним «слоном» и с налету опустил свой костистый зад на спину художника. Следом за этим по ушам водящих ударили его кирзовые сапоги. Стоящие с ним в сцепке двое пионеров даже не почувствовали этого приземленья, поскольку могучее тело надежно прикрыло их сверху.

- Эк, ты, братец, жестко приземлился! – крикнул художник, - У тебя что - кирпич вместо попы?

Малый сверху ни чего не ответил, только начал крутить седалищем, норовя устроиться покрепче. Кирзовые сапоги при этом больно заплясали по ребрам водящих.

- Але, юноша, пожалуйста, соблюдайте правила! Упал - замри! – выдохнул он следующую фразу, - И не могли бы вы сменить свои «балетки» на что-нибудь менее изысканное?

В этот момент на его плечи влетел патлатый вожатый.

- Ага, Серджь, покатаемся! – голосил он на весь лес чуть хрипатым, сиплым голосом, каким, наверное, в аду пугают грешников, варящихся в смоле.

Содержимое его французских джинсов медленно сползало на мою спину, и я понял, о чем говорил ху-

дожник – логическая связка «попа» и «мягкое» совершенно необязательна в этой жизни.

Как-то незаметно на моей спине очутилось еще двое. Они елозили, крутили ягодичами.

Пальцы на руках предательски скользили, норовя разорвать такую важную связь, грозили провалом в прямом и переносном смысле.

- Держи, Джон, держи! Нам еще идти с ними 20 шагов! – слышал я тяжелое дыхание художника.

Последним прыгал Полковник. Он отнюдь не был худеньким и мелким. Наоборот, он был коренастым, крепким, с тяжелой костью. Вот только места на спине для него уже не было. Стоящий за мной мальчишка почти встал на колени, почти залез под меня, но рук не разорвал. Полковнику предстояло запрыгнуть на вертикальную стену или третьим ярусом на уже угнездившихся товарищей, что, впрочем, не было редкостью.

Видимо эту дилемму он не решил до последнего мгновенья, поскольку неловко оттолкнувшись от спины последнего в нашем «слоне» мальчишки, не взлетел вверх, а прилип к нему, уцепившись руками, сползая вниз, стремясь оторвать его от общей конструкции.

- Жека, не могу! – пищал, не сдаваясь, парень сзади.

- Не отпускай! Лезь под меня! – сопел я, стараясь удержать равновесие с пирамидой тел над собой.

- Внимание, пшли... - выдохнул художник, и мы сделали первый шаг.

Поглощенный одной целью – дойти! – я не видел орущую и улюлюкающую толпу, скачущую вокруг, подбадривающую обе играющих стороны.

Мои руки расплзались. Голову, вылезшую из под руки художника, нещадно давила чья-то мосолыжка в кирзаче. Самого меня тянул назад мой товарищ по

команде, сопротивляющийся взгромоzdившемуся на него Полковнику...

Прыгучий парень с попой кирпичом и Полковник свалились одновременно на третьем шаге нашего «слона». Один упал вперед, выдавленный своими же товарищами. А другому не хватило сил удержаться, и он коснулся земли нижней конечностью своей спины.

- Па-а-а-лковник, исчадие! – ревел Вельзевул, - А не слабо ли было удержаться? Они уже развалились! Почти. А теперь, будьте любезны, на исходный рубеж! Берегите зубы, мамочка! – И он пошел размашисто и быстро по кругу, как обычно делал это на волейбольной площадке, что бы занять место у черты и выстроить свою команду.

Справедливости ради надо заметить, что в зависимости от наличия народа в команде бывало и по 12 и по 15 бойцов, от чего игра и зрители только выигрывали. Море эмоций, море переживаний. Но, главное, это чувство единства команды, адреналин, и восторг, аналогичный разве что кулачному бою стенка на стенку.

Правда, в конце все игрища заканчивались либо «Ручейком», когда мальчики-девочки взявшись за руки образовывали некую аллею, через которую пробегающий участник выдергивал себе партнера и вставал последним, гордо подняв руки для очередного игрока, либо танцем «Коробейники»

Помнится, попытка перенести практику игры в слона в школьные рекреации была решительно пресечена администрацией из-за проведения несанкционированных массовых мероприятий и всеобщего одобрения и интереса. Зачем в школе лишние проблемы? К тому же играть в «кругового слона» начали уже 16-17 летние старшеклассники класс на класс с последующими разборками после уроков. Да и ни каких

«Ручейков» с «Коробейниками» тут не предусматривалось. Именно тогда мне, шестнадцатилетнему подростку стало понятно отличие пионерского лагеря от школы. В школе преподаватели «работали», а в лагере вожатые «жили». Безусловно, бывали исключения и с той, и с другой стороны. В зависимости от количества исключений ребятня и делила учителей и вожатых на «своих» и «залетных». С одними они готовы были в огонь и в воду, а других вежливо терпели, или не терпели вообще!

Над прыжковой ямой возвышалась поджарая фигура в спортивных трусах с лопатой. С первыми лучами солнца она появилась над этим заброшенным прямоугольником с песком, что бы привести его в рабочее состояние. Нужно было все перекопать, прогребать и подготовить для соревнований по прыжкам в высоту. Вертикальные стойки которые должны были держать планку стояли рядом. Как и многое в лагере они были старыми, не крашенными, без нанесенных отметок высоты, поэтому ее каждый раз приходилось измерять рулеткой.

- Что, Типа, утро-то какое! Не утро, чистый мед! – не вставая со ступеней своего трюма, лениво попыхивая сигареткой проронил художник.

Песка в яме было не густо, поэтому загорелый вожатый пытался все перекопать, что бы обеспечить безопасность при прыжках в высоту. Сам он любил это дело и даже привез из Москвы настоящие шиповки – спортивные тапочки с узкой подошвой и торчащими из нее стальными шипами. И вот сегодня утром он решил хорошенько подготовиться и попрыгать, а заодно посмотреть, на что способны его пионеры.

- Полный бред! Утро как утро, ничего примечательного. Вот песка бы побольше! Да разве у началь-

ника выпросишь! – и он стал отчаянно всаживать в грунт лопату с пожарного щита, норовя вогнать стальное жало в похожую на бетон поверхность.

- Здорово, мужики! - хлюпая носом и подергивая головой сказал крепенький кружковод, подходя к любителю прыжков в высоту, - Чего это вы тут спозаранку философствуете? Уже купались? Как водичка?

Вожатый бесперспективно махнул лопатой, попытавшись ковырнуть спрессованную твердь песка.

- Иди себе, Ляля, своей дорогой! Не дави на мозоль человеку. Вон Анна на «Бучилле» мусор собирает, она тебе про воду все расскажет, а я Дениса еще не купал – он пока не проснулся! – поминая малолетнего сынишку, который жил с ним в каморке за клубом отрекошетил художник.

- А чего тут давить? Вам эту площадку вскопать надо? Так я помогу! Сейчас окунусь и приду! – и оптимистичный клубенок в желтых радостных шортах посеменял к воде, шлепая задниками своих тапочек по голым пяткам.

По утреннему горну народ высыпал на зарядку. Деловито помахав перед пионерами руками стоя на лавочке, невысокий физрук с баянистом провели обязательное по регламенту мероприятие и распустили всех готовиться к завтраку и утренней линейке.

Незаметно прошел завтрак, уборка территории. Отряды начали готовиться к спортивным мероприятиям, а у прыжковой ямы вновь появился вожатый. Лопата с красным черенком стояла тут же. Пыльная поверхность прыжковой ямы, напоминающая бетон, оставалась все такой же ровной.

- Типа! А можно я прикоснусь, так сказать, к высокому искусству прыжков? – раздался голос кружвода, подходящего к яме, - Я же обещал!

Радостный взор и оптимистичный настрой при-

ближающегося кружководы – это единственное, что сейчас противостояло унылой перспективе долбить лопатой спекшийся песок.

- Да уж прикоснись, Люлек! Я вон уже две лопаты погнул! – как-то погаснув во взоре, негромко произнес вожатый.

Деловито разложив принесенную с собой непонятную кладь, кружковод принялся долбить лопатой посреди ямы. Сложив в определенном порядке жестяную коробочку из-под зубного порошка, обмотанную черной изолентой, целлофановые пакеты с желтыми жидкостями, цветные провода, он отогнал всех пионеров за футбольное поле.

- Так! К прыжковой яме ближе чем на 50 метров никто не приближается! Понятно? Вожатые, следите за своими пионерами! Вспышка с фронта! – громко прокричал кружковод, и отмотав провода метров на 25 присоединил их к электрической батарее.

«При нахождении на открытой местности военнослужащие, заметив вспышку или услышав команду, например: «Вспышка справа (слева, с тыла, с фронта)», немедленно снимают оружие с ремня, ложатся на дно окопа, а при нахождении на открытой местности - на землю лицом вниз, ногами в сторону взрыва, приподнимают воротник верхней одежды, прячут оружие и кисти рук под себя» - сколько раз нам зачитывали эту инструкцию перед игрой «Зарница». Сколько раз, мы отрабатывали эти действия, падая то вправо, то влево на футбольном поле. Уж что-что, а действовать по командам гражданской обороны нас научили хорошо!

Вот и сейчас, все от мала до велика, по команде рухнули на землю и убрали руки под себя.

Взрыв ахнул неожиданно, как-будто его ни кто не ждал. Тяжело, в раскачку, после появившейся вспышки раздался звук, и в небо устремились мгновенно

пары только что испарившегося топлива из полиэтиленовых пакетов, унося вместе с собою море пыли и песка из прыжковой ямы. Поднимаясь вверх продукты взрыва стали образовывать некое подобие гриба, как в учебном фильме по гражданской обороне.

- Во, классно! – не вытерпел чебурашка, вставая с земли, - Вот это ахнула!- и он утер чумазое личико, перепачканное землей. Встающие вместе с ним пионеры тоже млели от восторга.

- Ляля! Да ты с ума сошел! Это же пионерский лагерь, а не полигон! – взревел вожатый, но тут же осекся, встав над прямоугольником прыжковой ямы. Ограниченное деревянными досками пространство представляло собой небольшой окопчик, из которого удалили все ненужное. Когда-то вырытая яма стояла девственно пустая, без намека на песок.

- Ну, и как сюда прыгать? – вопрос вожатого был произнесен безадресно, словно заданный самому себе.

- Как-как? Песку надо бы насыпать! – прозвучал голос из-за спины, и перед вожатым и кружководом выросла коренастая фигура начальника лагеря.

- Это у нас сегодня ядерная война по графику? Кто мне объяснит? – спросил он голосом капрала, интересующегося, чьи это портянки так благоухают, - Это что же получается, – я тут объехал все окрестности, договорился об организации олимпиады семи лагерей, а вы тут взрывами занимаетесь? Репетируете, куда гостей хоронить? Ямы не хватит! А футбольное поле я вам не отдам – там колодцы! Это моя епархия!

Поправив белый халат, он повернулся, чтобы возвратиться на хоздвор, откуда прибежал, услышав взрыв.

- Короче, Камаз с песком сегодня вам привезут. И только попробуйте мне не занять призового места в

прыжках! Олимпиада через неделю, готовьтесь! – и он, махнув в сердцах рукой, зашагал в сторону столовой.

- Ну, Лелек! Удружил! – бросил вожатый в трусах, отряхнув остатки песка с голых рук и ставшей седой от пыли смоляной шевелюры.

- Вот тебе и наступил на мозоль, а она жажнула! – философски в усы промычал художник.

И только кружковод Ляля сматывал провода, как ни в чем не бывало, мелькая своими желтыми шортами между берез перед Дворцом Технического Творчества.

- Итак, юноши, утренняя пробежка показала, что вы еще не готовы должным образом к олимпиаде семи лагерей. А посему, тренируемся каждый день! – прохаживаясь кавалерийским шагом перед стоящими по стойке «вольно» пионерами вещал загорелый вожатый в спортивных трусах.

- Сейчас проверим, как у вас обстоят дела с прыжками в высоту, – поправляя стойку и недоверчиво поглядывая на своих воспитанников, продолжал он, - Прыгать можно как учили в школе – «ножницами», а можно стилем «фосбери флоп», или, говоря проще, перекидным. Для наглядности показываю, - и он, размахисто разбежавшись, перелетел дюралевую планку, сначала воспарив над ней, а потом перекинув ногу и пропустив ее под животом, мягко упав в свежее перекопанную яму с недавно насыпанным песком.

После тщательной разминки начали прыгать и пионеры. Стойка неумолимо двигалась вверх. На травке сидели и с завистью смотрели, как их товарищи берут все новые высоты самые неудачливые.

- Что Полковник, тяжеловата у нас с тобой «пятая точка»? – похлопывая товарища по плечу, сказал я.

- Просто у нас ноги короткие! – отреагировал он

на мое замечание, с завистью глядя, как долговязый малый с глазами на выкате босиком штурмовал очередную высоту.

- А можно мне тоже попробовать? – спросил подошедший парень из нашего отряда в трениках, смешной кепке на голове и кирзовых сапогах.

Недолго собираясь, практически без разминки, он сиганул ввысь и попросил поднять планку выше.

С интересом наблюдая, как он вытряхивает песок из кирзачей, мы придвинулись к стойкам и начали прибавлять по пять, по три, а потом по два сантиметра.

- Николай, а не попробовать ли тебе прыгать в кедрах или, хочешь, возьми мои шиповки, - наблюдая за прыгуном, спросил вожатый.

- Да не, мне так сподручней! – отвечал бледный пионер, оставшийся в трусах и кирзовых сапогах на босу ногу.

Тощие ножки сучили коленками, кирзачи топали как стадо сайгаков по степи, а тело взмывало перед перекадиной, определяющей границу рекорда, и падало в распаханный песок, констатируя, что рекорда больше не существует.

- Николай, я прошу, попробуй в шиповках! Уверю, результат может быть значительно выше! – горячился вожатый. Да и все мы были заморожены таким неожиданным массовым шоу, перешедшим в сольное представление.

- Ну ладно, попробую! – нехотя согласился пионер после нашего массового упрашивания, и, сняв выдавшие виды кирзовые сапоги, начал переобуваться.

Последовавшие за этим несколько попыток были неудачны, но нам казалось, что прыгуну просто нужно привыкнуть, приноровиться, и тогда, как говорится, «золотой ключик у нас в кармане»!

Как ни бился Николай меняя шиповки на кеды и наоборот, достичь результата, покоровившегося кирзам, он так и не смог.

Соревнования олимпиады семи лагерей проходили на территории всех лагерей, но прыжки в высоту проходили в п/л «Щербаковец». Наша группа поддержки свистела и хлопала у прыжковой ямы, пока не оказалось, что в финале остались только два претендента – спортсмен из «Дружбы» и наш Николай.

Все знали, что парень из «Дружбы» уже давно не пионер, перевалил за отметку 17 лет, что тренируется в легкоатлетической секции. Но, с другой стороны было интересно, кто же все-таки сильнее в прыжках в высоту.

Планка задрожала над прыжковой ямой, но спортсмен уже выпрыгнул за ее пределы, зафиксировав тем самым очередной результат.

- В сектор для прыжков приглашается представитель пионерского лагеря «Звездочка»! – прогнусавил мегафон судьи.

- Ко-ля!Ко-ля! «Звездочка» - вперед! – скандировала наша группа поддержки.

Николай разминал связки на ногах, шнуровал кеды. Две попытки превзойти противника оказались неудачны. Оставался последний шанс, но надежда таяла вместе с солнцем, заходящим за верхушки елей вокруг футбольного поля в «Щербаках».

- Коя! Коя! – услышал он детский голос за своей спиной, - Вот твои кизачи!

Из толпы болельщиков две детские ладошки протягивали ему его универсальную обувь.

Переобуться в ставшую неотъемлемой частью организма обувь не составило труда и заняло меньше трех секунд.

Нервничающий у прыжковой ямы судья с удивлением увидел, как спортсмен из «Звездочки» вышел в сектор в кирзовых сапогах. Проглотив от удивления свисток, издавший неуверенный звук, он вытаращил глаза, ожидая, что последует далее.

Сделав разбег, юноша воспарил над перекладиной аки голубь сизокрылый, продемонстрировав, что под опорной точкой его тела до перекладины еще достаточно места, чтобы претендовать на золото в этом виде спорта.

Толпа взорвалась рукоплесканиями и криками восторга. Парнишку подняли на руки и начали качать. Родовались и дети, и взрослые семи лагерей.

- Триумф, Николай! Ты понимаешь, триумф! – восклицал вожатый, горящий взор которого под копной черных волос то ли превратился в жерло доменной печи, то ли адского костра проснувшегося вулкана.

Между тем вокруг судьи суетились взрослые, яростно жестикулируя руками и пытаясь громкостью компенсировать недостаток аргументов.

В сектор принесли пьедестал для награждения участников.

- Внимание! – начал хрипеть в мегафон судья, - В связи с тем, что спортсмен из «Звездочки» выступал в обуви, не предусмотренной правилами соревнований, первое место присуждается представителю пионерского лагеря «Дружба».

Свист и улюлюканье захлестнули стадион. Крики: «Неправильно!», «На мыло!» - наполнили сектор для прыжков. Однако, судья остался непоколебим.

Пожимая руки товарищам по пьедесталу, не успевший переобуться Николай, стоял босиком, перекладывая из руки в руку выдавшие виды кирзовые сапоги, пряча их за спину.

Зрители рукоплескали! Рукоплескали спортсме-

нам, рукоплескали зрителям, рукоплескали судьям. И не важно, кто победил, важно, что в тот вечер слова: «Николай» и «Звездочка» - были самыми популярными не только среди участников олимпийского бала, но и среди обитателей семи лагерей.

- Ну, Семеныч, и откуда у тебя в лагере такие спортсмены неординарные – в кирзачах славу Валерия Брумеля стяжают! – жарко кричал в ухо начальнику лагеря его коллега из «Щербаков», стараясь перекрыть звуки праздничного фейерверка, устроенного представителями «Звездочки».

- Это что! Если б ты знал, что они прыжковую яму взрывами перекапывают, ты бы так не восторгался! – немного хмуро, но с явным удовольствием ответил тот.